

Перформативные жанры. «Пылкий Цицианов»

И.Л. Багратион-Мухранели

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и межкультурных коммуникаций ГБОУ ВПО МГППУ.

В статье рассматривается разностороннее литературное творчество выдающегося русского полководца, Главноуправляющего Кавказа князя Павла Дмитриевича Цицианова. Его эпистолярное, публицистическое и поэтическое творчество характеризуется демократизацией языка конца XVIII — начала XIX века, преодолением строгих жанровых рамок классицизма, использованием разговорных элементов, афористических и паремийных единиц. Характеристика «пылкий», данная Пушкиным Цицианову в поэме «Кавказский пленник», имеет отношение не только к психологическим чертам характера. Пылкость проявилась и в его переписке с другом юности Зиновьевым, и в стихотворных реляциях, с которыми он обращался к подчиненным, в приказах кавказским народам, сатирическим стихам. Наследие Цицианова не велико, но ярко и интересно, отражает соседство поэтики классицизма с новым направлением — сентиментализмом, позволяет судить о характере фразеологии военного слога допушкинского периода русского языка.

Ключевые слова: перформативный жанр, Кавказ, Цицианов, афоризмы, пословицы, лаконизм речи, военный слог.

Для цитаты: Багратион-Мухранели И.Л. Перформативные жанры. «Пылкий Цицианов» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2014. №3. URL: [http:// langpsy.ru/journal/2014/2/Bagratiion.phtml](http://langpsy.ru/journal/2014/2/Bagratiion.phtml) (дата обращения: дд.мм.гггг)
Bagratiion-Muchraneli I.L. Performative genre. «Fervent Tsitsianov» Jelektronnyj resurs «Jazik I tekst langpsy.ru», E-journal «Language and Text langpsy.ru», 2014. no. 3. Available at: [http:// langpsy.ru/journal/2014/2/Bagratiion.phtml](http://langpsy.ru/journal/2014/2/Bagratiion.phtml) (Accessed dd.mm.yyyy)

Рассматривая жанры как инструмент прочтения, В.И.Тюпа предлагает расширить типологию литературных жанров, разрабатывая их «с позиций, по крайней мере, двух принципиально различных подходов: кластерного или инвариантного. <...> Кластерная типология указывает на исторически конкретные жанровые модели бытования литературной традиции, но не выявляет глубинных аспектов размежевания художественного письма на неслучайные жанровые линии развития. Последнее достигается инвариантным подходом, предполагающим обнаружение минимального количества неизлиминируемых сущностных свойств во всех произведениях определенного жанрового типа». [Тюпа, 104-105] В.И.Тюпа считает, что расширение и углубление исследования инвариантных жанров может произойти в случае обращения к теории перформатива. По мысли Джона Остина, первооткрывателя перформативных высказываний, существует ряд высказываний, которые «никак не могут быть истинными или ложными <...> Если некто произносит подобного рода высказывание <...> тем самым он не просто говорит, но делает нечто» [Остин, 264]. То есть субъект перформативного слова не свидетель событийного действия и не рассказчик, а сам действователь, в противоположность автора нарративной репрезентации.

Таким образом, перформативные жанры — это жанры непосредственного действия словом, осуществляющего изменение самой коммуникативной ситуации общения. К ним относятся клятвы и проклятия, приказы и просьбы, жалобы, благословения, приветствия, разрешения, обещания, благодарности, завещания и т.п.

В настоящей статье мы рассматривает под углом зрения перформативных жанров литературное наследие Павла Евсеевича Цицианова.

Оно отличается от произведений писателей-полководцев — А.В.Суворова, М.И.Кутузова, М.Ф.Орлова, А.П.Ермолова, и с точки зрения фразеологической, и с жанровой.

П.Е.Цицианов, чье наследие не попадало в поле зрения современных исследователей, представляет интерес как явление переходное, принадлежащее традициям развития литературы XVIII и XIX века — стихотворные реляции, эпистолярное наследие, приказы врагам. Все это представляет широкий спектр литературных жанров, стилей, характера языка.

В эпилоге поэмы «Кавказский пленник» Пушкин называет всего три имени, связанные с покорением Кавказа — Ермолова, Котляревского и Цицианова. Первым идет астраханский военный губернатор и главнокомандующий только что присоединенной Грузии Павел Дмитриевич Цицианов, занимавший пост инспектора Кавказской линии и Главнокомандующего Грузии с 1802 по 1806 год. П.Д.Цицианов принадлежал к первой волне грузинской эмиграции, воспитывался в Москве и начинал служить на Кавказе еще в царствование Екатерины под командованием графа Зубова. В поэме «Кавказский пленник» образ его воспринимается как эскиз к позднему изображению Петра во время Полтавской битвы в поэме «Полтава».

И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двухглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов; [Пушкин, 371]

Характеристика «пылкий» имеет отношение не только к психологическим чертам характера. Цицианов был разносторонне одаренным человеком и в том числе отличался литературным талантом. Он проявился и в стихотворных реляциях, с которыми он обращался к подчиненным, в приказах кавказским народам, и в его переписке с другом юности Зиновьевым. Наследие его не велико, но ярко и интересно и с точки зрения афористичности и фразеологии языка, и как образцы перформативных жанров, тяготеющих к художественному (лирическому) воплощению.

П.Е.Цицианов с юности увлекался литературой. Кроме нескольких стихотворений, написанных Цициановым в этот период времени, к 70-м же годам восемнадцатого столетия относятся три его перевода; два из них — "Юлия, или Счастливое раскаяние", изд. 1775 г., и "Экономия жизни человеческой, или Сокращение индейского нравоучения, сочиненное некоторым брамином" (выдержало 4 издания); третий — "Дух кавалера Фоларда, из его толкований на Полибиеву историю", сочинение Фридриха Великого, — показывает, как серьезно изучал Цицианов творения великих военачальников. Обладая сильным, быть может, несколько прямолинейным умом и выдающейся, непреклонной волей, которая составляла главную и наиболее резкую черту в его характере, он много, упорно и самостоятельно работал над своим образованием. Уже в офицерских чинах, без всякой посторонней помощи, он изучил математику и военные науки, занимаясь в то же время словесностью — своим любимым предметом.

В переписке с другом юности В.П.Зиновьевым Цицианов раскрывает свой внутренний мир и свои представления о сочинительстве. Они любопытны как свидетельства перехода от эстетики классицизма к сентиментализму. В письме от 3 октября 1885 г., из Санктпетербурга, он пишет: «Что же касается до твоих двух подарков, что ты мне прислал, обрадован я был более первым, т. е. Сочинением, 1) потому, что мысли святые и с моими всегда сходны, 2, что хорошо написано и ясно, и, 3, что ты писал что сердце тебе сказало, и по образу твоих мыслей последнее заключало; а кто так думает как тут написано, тот будет виновником другого подарка, то есть будет другой Муциус (римский герой Муций Сцевола — И.Б.-М.). Кто такое упование имеет на Бога, кто учреждает все дела свои, ожидая будущей жизни, в которой и угрызение и удовольствие по делам его встретит, тот, говорю я, может и должен иметь твердость Муциуса. Не думай, чтоб пристрастие мое к тебе вмешивалось в суждение о твоём сочинении; оно написано божественно, и если есть погрешности, так оне в слоге, т. е. Грамматикальня... Повторяю еще, что я от сочинения твоего вне себя; только много периодов обернутых иностранным слогом и глаголы неопределенных времен не тут поставлены» [Письма Цицианова, 2108-2110]. В этом письме и образ совершенного героя — Муция Сцевола — дань классицизму и культ дружества, внимание к чувствам, сердцу идущих от сентиментализма. «Вот чистое признание в моем к тебе пристрастии. Все то, что ты одобряешь, кажется мне совершенным, все то, что тебе нравится, мне кажется любезнейшим. Сколько бы я был счастлив, еслиб достоин был твоей дружбы. Хотя признаться должен, что твоя со мною связь приязни и много исправила меня в слабостях и (что сердечно скажу) в пороках. Перестану говорить об этом, только для того, чтоб не оскорблять твою кротость. Похвалы друга не есть лесть, следовательно и не боюсь, чтоб ты принял их за оную» [Письма Цицианова, 2111], - писал он 30 сентября 1885 года.

Интересно и то, как происходит распространение идей необходимости самобытности русской культуры и русского языка. Замечательно в этом отношении письмо от 22-го июня 86 года. «... скажу, любезный друг, что я в великом неудовольствии на тебя. - За что же? - А за то, сударь, что Ваше превосходительство с тем намерением хотели вести со мною на русском языке переписку, чтобы привыкнуть к языку, или учтивее сказать не забыть (что и необходимо), как кажется, для человека, готовящегося с усердием посвятиться службе своего отечества, которое есть «Русское», и где по милости мудрой (без лести сказать можно) Государыни все науки вводятся, для всеобщего народного просвещения, на родном языке, и вместо того часу хуже пишешь, прости моей откровенности и в дружеских письмах ставишь столько местоимений, указательных «сей» и возносительных «оний», «оних», что портишь совсем письмо. Я же, хотя сам и не слишком великий мастер в них, однако знаю, что правилом приемлется в дружеских письмах то, чтобы писать точно так, как говоришь, чему я в прежних твоих письмах завидовал. А все это от чего происходит? Оттого, что ты спешишь и не даешь себе труда учреждать свои периоды, связывая их приятно, а потому и правильно. Не нужна к тому тонкость грамматики, которую так скоро нельзя выучить да по крайней мере, чтоб было написано так, как можно сказать изустно Иногда же нескладится выходит от переноса личных местоимений и прилагательных имен и прочего». Разобрав и устранив ошибки друга в порядке слов в предложении, Цицианов заключает «И так одно из другого выходит, плавно, гладко и приятно» [Письма Цицианов 2133-2134], - что является для него целью написания и образцом стиля.

Но если в прозе, в своих письмах Цицианов придерживается карамзинских идей «писать точно так, как говоришь», «плавно, гладко и приятно», то в поэзии ему ближе идеи классицизма. Самое известное из сочинений Цицианова сатирическая «Беседа трех русских солдат в царстве мертвых, которые служили в трех разных войнах противу турок, то есть, при генерал-фельдмаршале Минихе, при генерал-фельдмаршале Румянцеве-Задунайском и при генерал-фельдмаршале князе Потемкине-Таврическом, писанная в декабре месяце 1790 года в Яссах». В этой сатире использованы и говорящие фамилии — Семен Двужильный, и форма ложного панегирика, характерных для сатирической литературы XVIII века, сочетание сатиры

и едкой иронии.

Его острые оценки и независимый нрав были хорошо известны при екатерининском дворе. Военный историк профессор Военной Академии и редактор „Русского Инвалида“ генерал-лейтенант Петр Семенович Лебедев писал о нем: «Имя князя Цицианова, продолжателя действий князя Зубова по завоеванию Кавказа и покорению Закавказья, должно гореть яркою звездой в наших военных летописях. Екатерина II обратила на него внимание, еще в 1793 году, когда он был командиром С.-Петербургскаго гренадерскаго полка и назвала его «своим генералом», а решительными своими действиями противу польских конфедератов в 1794 году он до такой степени понравился Суворову, что тот, в одном из своих дневных приказов, предписывал войскам: «сражаться решительно, как храбрый генерал Цицианов» [Лебедев, 140].

Творчество П.Д.Цицианова находится в русле традиций конца XVIII века. Оно состоит не столько из литературы художественной, сколько представляет интерес литературой дельной (если использовать термин Белинского, примененный в 1835 году в рецензии на книгу Платона Зубова «Подвиги русских воинов в странах кавказских, с 1800 по 1834 год»), т.е. документально-деловую, относя к ней жанр дружеского письма и жанр именных указов и повелений, «увещательные» письма и «наставления», донесения, приказы и дипломатические послания, относящиеся к области перформативных жанров, а не только записки и воспоминания. Жанр приказов по армии «в роде римских», которые затем получали распространение, «читались в домах» как речи Демосфена и Цицерона. Они будут продолжены А.П.Ермоловым, Мих.Орловым. Ермолов будет придерживаться и в своей кавказской политике, и в литературе цициановских традиций и в литературном творчестве.

Знаменательно, что Цицианов в своих деловых сочинениях разделял стилистические представления своего времени. Рисуя героя или касаясь дел героических, нужно было использовать абстрактно-возвышенную лексику. Изображая тирана или труса — лексику сниженную и более образную. Цицианов так и мыслил и, соответственно, писал, как говорил и думал, что сообщало его дипломатической переписке особую окраску. В разработке серьезных тем он пользуется языком салона. В обращениях к врагам — сатирическими красками, фольклорными выражениями.

Павел Дмитриевич легко владел пером и мог найти рифмы для выражения любых тем. Вот как выглядит его сочинение «Безпристрастный живописец ошибок российских генералов, последовавших в течении разных кампаний, деланных против турок в Молдавии; сочинение, разделенное на кампании; с моими примечаниями.

Предворение.

Я критики писать охоты не имею,
Хоть живонисцем я себя здесь и нарек,
Да тени подбирать совсем я не умею;
А по пословице «учиться надо век».
А я учение свое в том поставляю,
Что, видя действия военны, разсуждаю:
К чему, на что, какой тому предмет?
Когда на стан придешь, то первая забота,
Чтоб осмотреть вокруг ручьи, леса, болота,
И слабыя места, где тот имеешь стан;

А после, мысленно, атаке делать план,
Где коннице идти, где действовать пехотой,
Иль гору укрепить, где земляной работой,
Которое крыло прикрито-ли рекой,
Иль на горе стоит, где всход весьма крутой.
Все в мыслях сообразя, сужденыем занимаюсь,
И как вести войну, я оным научаюсь.
Вот правило мое, с техъ пор, как стал служить,
И точно для того, чтоб не напрасно жить,
Класть мнения свои я вздумал на бумагу,
И всякому, при том, готов я дать присягу,
Что я хулить дела чужия не хотел,
И в мыслях я того во веки не имел.
Писавши, почему от правил удалились,
Закрою имена тех, кои преступились,
И вместо их имен поставлю знак иной
Иному звездку дам, иному крест двойной; [Лебедев, 148]

Сочинение это отличается от служебной записки или донесения не только по использованию поэтического языка, но и потому, что «имена, кои преступились» - «закрыты», опущены. В этом видно ясное представление о назначении литературы. Так как функции литературы — сохранять события для истории, т.е. для вечности. Понятие историзма начинает формироваться в русской литературе именно в конце XVIII — начале XIX века.

Обращение военных к литературе (а это практически вся дворянская элита) не было чем-то из ряда вон выходящим. Сподвижник Цицианова, гражданский губернатор Грузии с 1802 года, генерал Сергей Алексеевич Тучков, участвовавший в 1796-98 гг. в Персидском походе и в 1804 в штурме Ганджи, также оставил после себя большое литературное наследие: свыше ста оригинальных стихотворений, вольные переводы пяти книг од Горация, «Истории Троянских войн» Дария Фригийского, трагедий Расина «Александр Великий», «Митридат», «Федра», «Афалия» или Гофолия», трагедий Вольтера «Арест», «Брут», трагедии Руссо «Открытие нового света»; «Военный инженерно-артиллерийский словарь»; мемуарные записки о России конца XVIII-начала XIX в. (быт, нравы, военные и политические события, придворная жизнь, выдающиеся люди эпохи). Часть 4 мемуаров озаглавлена «Записки, касающиеся до земель между Черным и Каспийскими морями находящихся, и в особенности до Грузии»

Незаурядный поэт, С.Тучков (Тучков - 2-й) преуспел во многих поэтических жанрах. Его вдохновенному перу принадлежат торжественные, философские и нравоучительные оды, басни, думы, эпиграммы, пасторали, элегии, сказки, военные песни, любовная лирика, сатира, духовные стихи, баллады.

Также свободен в использовании различных жанров и П.Д.Цицианов. Его сатира «Беседа трех русских солдат в царстве мертвых» принадлежит к широко распространенному жанру разговоров в царстве мертвых, восходящих к Лукиану Самосатскому. Жанр это был известен также во французской литературе XVIII века, особенно популярны были сочинения

просветителя Фонтенеля (Бержар Ле Бовье де Фонтенель), написавшего «Разговоры в царстве мертвых древнейших и новейших лиц». В русской литературе XVIII века была широко известна «Разговоры мертвых» М.Н.Муравьева, «Беседа Кортеца с Монтецумой и Александра Македонского с Геростратом», подписанная инициалами А.С. Ее даже приписывали А.В.Суворову [Петрушевский] (в действительности автором был Ал. Петрович Сумароков, 1787). Жанр этот позволял обращаться к сатире, сводить героика с бытовыми мелочами, выражать абстрактные мысли, выходящие за пределы описываемой ситуации, поскольку зачастую беседующие стояли на разных берегах Леты и живые переговаривались с мертвыми. Такая форма открывала простор для многих серьезных тем. В нашем случае стоит отметить связь ориентализма и «тиранства», характерная для авторов просвещения — Монтескье, Вольтера («Сударь, как можно быть турком» Вольтера). Беседа Кортеца с Монтецумой начинается со слов:

«Монтецума: Наконец и ты являешься здесь, посол Восточный, тиран моего отечества! Где твоя гордость? Где твоё златожаждущее войско?»

А кончается такими словами Кортеца:

Гордость же твоя и тиранство твоё над подданными твоими послужили мне главною помощью в завоевании царства мексиканского и в покорении оно́го гишпанской державе» [Сумароков]. Уверенность литературы классицизма в положительности завоевания малого царства — империей — непоколебима на протяжении XVIII века. Также как нарочитость самих разговоров. Ни авторов, ни читателей не смущает то, что персонажи зачастую говорят одинаковым языком, что древность сочетается с современными аллюзиями. Это все черты, принадлежащие литературе XVIII века.

Уже именно это смешение старого и нового, условного и реального вскоре будет вызывать неприятие Пушкина, считавшего в конце 20-х годов, что в «Моих пенатах» (1812) Батюшкова «Главный порок в сем прелестном послании, - есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни. Музы — существа идеальные. Христианское воображение наше к ним привыкло, но норы и кельи, где лары расставлены, переносят нас в греческую хижину, где с неудовольствием находим стол с изорванным сукном и перед камином суворовского солдата с двуструной балалайкой. - Это все друг другу слишком противоречит» [Пушкин, 1158].

Во времена написания в 1890 году Цициановым «Разговоров» характер условности в классицизме был иным, чем в начале XIX века, популярная форма служила способом выразить абстрактные мысли, которые соседствовали с бытовыми подробностями. Д.Фонвизин в «Послании слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» в частности, задавался вопросом «на что сей создан свет?// И как мне в оном жить, подай ты мне совет.// Любезный дядька мой, наставник и учитель,// И денег, и белья, и дел моих рачитель». В такой же парадигме иносказательного, сочетания высокого и низкого, Цицианов предлагал читателям сравнить трех военачальников, под чьим началом служили три русских солдата и нелюбезно высказать то, что они думали о начальстве. Считая неизменной ценностью жизнь, отданную Отечеству, солдат Сергей Двужильный, убитый при штурме Измаила, критикует Потемкина, которого Цицианов не любил за недоступность и высокомерие.

Среди литературного наследия чрезвычайно интересны также деловые реляции и приказы Цицианова. Они существенно различаются по характеру адресата. Донесения о событиях в Петербург лаконичны (в подражании донесениям Юлия Цезаря). Тогда как обращения к врагам и подданным эмоциональны, содержат метафоры и энергичные выражения и оценки, постоянные эпитеты (Россия - «высокомошная», «Богом вознесенная империя»). В переписке с противником используется сниженная лексика. И энергичность стиля — следствие решительных поступков Цицианова. Это явственно видно в следующих письмах.

Эриванский хан, узнав о приготовлениях к экспедиции — взятии Эривани - старался своими письмами обмануть Цицианова, выказывая преданность России. "Сим объявляется Магомет-хану, — отвечал на них Цицианов, — что на глупые и дерзкие письма, каково было ханское, с прописанием повеления словами льва, а делами теленка, Баба-хана, сердаря, Россияне привыкли отвечать штыками, а потому, чтобы оный хан ожидал сего рода ответа в свое время". Образное выражение должно было усилить экспрессию и обеспечить желаемый результат, показывая широту литературной палитры выразительных средств князя.

Пользовался он такими средствами в переписке отнюдь не всегда. Порой он в переписке скуп и сдержан. Интерес представляют и эпизоды взятия Гянджи. "Что касается меня, — писал Цицианов по этому поводу, — то я не пришел еще в себя от трудов, ужасной картины кровопролитного боя, радости и славы. Счастливый штурм этот есть доказательство морального превосходства русских над персиянами и того духа уверенности в победе, который питать и воспламенять в солдатах считаю первой моей целью". Событие это разворачивалось чрезвычайно драматично. Вот как о нем пишет военный историк Кавказа В.Потто, приводя свидетельства переписки Цицианова:

"Первая и главная причина моего прихода сюда, — писал Цицианов Джават-хану, — та, что Ганжа со времени царицы Тамары принадлежала Грузии и слабостью царей грузинских отторгнута от оной. Всероссийская империя, приняв Грузию в свое высокомогущее покровительство и подданство, не может взирать с равнодушием на расторжение Грузии; и недостойно бы было с силой и достоинством высокомогущей и Богом вознесенной Российской империи оставить Ганжу, яко достояние и часть Грузии, в руках чужих. Пришед с войсками брать город, я, по обычаю европейскому и по вере, мной исповедуемой, должен, не приступая к пролитию крови человеческой, предложить вам сдачу города. Буде завтра в полдень не получу ответа, то брань возгорится, понесу под Ганжу огонь и меч, и вы узнаете, умею ли я держать свое слово" [Потто, 128].

Джават-хан, тот самый, который вместе с агой Мохаммедом грабил Тифлис (в 1795 г. - И.Б.-М.), самоуверенно ответил, что намерен дать отпор и что "ежели русские пушки длиной в аршин, то его пушки — в четыре аршина". "Где это видано, — писал Джават-хан, — чтобы вы были храбрее персиян. Видно, несчастный рок доставил вас сюда из Петербурга, и вы испытаете его удар".

После такого ответа русские войска двинулись вперед и, овладев садами, городским предместьем и караван-сараями, отделившись от крепостной стены лишь одной эспланадой, открыли орудийный огонь.

До тех пор русское правительство как бы старалось снискать к себе расположение их подарками и жалованием. Цицианов отменил и то, и другое, и сам потребовал от ханов дани. "Страх и корысть — суть две пружины, которыми руководятся здесь все дела и приключения, — писал он императору Александру I. — У здешних народов единственная политика - сила, а лучшая добродетель владельца — храбрость и деньги, которые нужны ему для найма лезгин. Поэтому я принимаю правила, противные прежде бывшей системе, и вместо того, чтобы жалованием и подарками, определенными для умягчения горских нравов, платить им некоторого рода дань, я сам потребовал от них оной".

«Свято держа обещания, Цицианов никогда не расточал своих угроз понапрасну. Он знал, что каждый владелец, в сущности, готов был повторить ответ, данный одним из них русскому главнокомандующему: "Приди и покажи свою силу", — и потому старался прежде всего разъяснить им в своих прокламациях все необъятное величие России и ничтожность их перед ней. Повелительный и резкий тон, с которым он к ним обращался, шел как нельзя лучше к тогдашним обстоятельствам и производил на азиатов сильное впечатление. Слог его писем

был оригинален, силен и резок, как дамасская сталь» [Потто, 136]

"Статочное ли дело, — писал он в одной из своих прокламаций, — чтобы муха с орлом переговоры делала..."

Первыми испытали на себе тяжелую руку князя Цицианова джаро-белоканские лезгины, у которых скрывались беглые грузинские царевичи. Цицианов потребовал их выдачи. В воззвании к лезгинам по этому поводу Цицианов писал между прочим: "Вы - храбрые воины, вы и должны любить храбрых. А кто же храбрее русских? Пуля ваша пяти человек не убьет, а моя пушка картечью или ядром за один раз тридцать человек повалит. Измеряйте все это..."

"Бесстыдный и с персидской душой султан, — писал он елиссуйскому владельцу, — и ты еще смеешь писать ко мне. В тебе собачья душа и ослиный ум, так можешь ли ты своими коварными отговорками обмануть меня? Знай, что доколе ты не будешь верным данником моего государя, дотоле буду желать твоей кровью вымыть мои сапоги".

В таком же роде прокламация отправлена была им и к самухскому владельцу Шерим-беку, который не только помогал лезгинам, но из особой приязни к ганжинскому хану принял к себе его детей, бежавших из Ганжи во время осады.

"Шерим-беку самухскому, — писал главнокомандующий, — со мной, высокочтимых российских войск главным начальником, переписываться и пересылаться послами некстати и для меня — низко. Когда вы боялись Джават-хана, то как же меня не боитесь? И как вы осмелились принять детей его, бежавших отсюда во время штурма? Бросьте все ваши глупости и тотчас же без всякой отговорки представьте их ко мне. Им худа не будет. Приезжайте тотчас с покорностью, а если замедлите, то я вас и на земле, и в воде найду. Вспомните, что слово свое держать умею. Сказал, что джарскую провинцию сокрушу, -и сокрушил; сказал, что царскую фамилию, раздирающую Грузию, из Грузии выведу, — и вывел; сказал, что Ганжу возьму, — и взял. Теперь судите, можете ли вы равняться с нами".

Впечатление от этих прокламаций было таково, что третьего апреля 1804 года в Тифлис съехались депутаты от джаро-белоканских лезгин, елиссуйский султан и сам Шерим-бек вместе с детьми ганжинского хана. Все они были обложены данью и присягнули на вечную покорность русским государям.

Ценность перформативных жанров оценивается результатом действия слов. Послания Цицианова имели яркую эмоциональность, образность, афористичность и высокую эффективность коммуникации. Они формировали политику Государства Российского на Кавказе.

Литература

1. *Лебедев П.С.* Князь Павел Дмитриевич Цицианов // Русская старина, 1890. – Т. 66. - № 4. – С. 140-148.
2. *Остин Дж.* Перформативные высказывания. // Остин Дж. Три способа пролить чернила. Спб, 2006.
3. *Петрушевский А.* Генералиссимус князь Суворов», Т.1, гл. 13.
4. Письма князя Павла Дмитриевича Цицианова к Василию Николаевичу Зиновьеву. Русский архив, 1872, XI.3

5. *Пушкин А.С.* Кавказский пленник. Полное собрание сочинений в одном томе. М., ГИХЛ, 1949.
6. *Потто А.В.* «Кавказская война» (в 5-ти томах). Том 1. От древнейших времён до Ермолова. Ставрополь, 1994.
7. *Сумароков А.П.* Сочинения в двух томах. OCR Бычков М.И. [Http://az.lib.ru](http://az.lib.ru). 1.1.2013.
8. *Тюпа В.И.* Генеалогия лирических жанров. //Жанр как инструмент прочтения. ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет». Ростов-на Дону: «Инновационные гуманитарные проекты», 2012, С.104-131

Performative genre. «Fervent Tsitsianov»

I.L. Bagration-Muchranieli,

Ph. D, associate professor of the Linguodidactics and Cross-cultural Department of the Faculty of Foreign Languages Moscow State University of Psychology and Education

---

This article deals with diversified literary works of outstanding Russian commander, Chief Commander of the Caucasus - Prince Pavel Dmitrievich Tsitsianov. His epistolary, publicistic and poetry patterns are featured with the democratization of the language of late XVIII - early XIX centuries, and overcoming the strict genre frameworks of classicism, using conversational elements, aphoristic and paremie units. Characteristics of "fervent", given to Tsitsianov by Pushkin in his poem "Prisoner of the Caucasus", refers not only to the psychological character traits. His fervor was also manifested in his correspondence with childhood friend Zinoviev and poetic communiques, which he was addressing to his subordinates, in decrees to the Caucasian people and his satirical poetry. Tsitsianov's heritage is not large, but bright and interesting, reflecting the proximity of the poetics of classicism with a new direction - sentimentality, and giving us insight into the nature of the military phraseology syllable of the Russian language in pre-Pushkin period.

Key words: performative genre, Caucasus, Tsitsianov, aphorisms, proverbs, laconic speech, military style.

References

1. 1. Lebedev P.S. Knjaz' Pavel Dmitrievich Cicianov // Russkaja starina, 1890. – Т. 66. - № 4. – S. 140-148.
2. Ostin Dzh. Performativnye vyskazyvanija. // Ostin Dzh. Tri sposoba prolit' chernila. Spb, 2006.
3. Petrushevskij A. Generalissimus knjaz' Suvorov», T.I, gl. 13.
4. Pis'ma knjazja Pavla Dmitrievicha Cicianova k Vasiliju Nikolaevichu Zinov'evu. Russkij arhiv, 1872, XI.3
5. Pushkin A.S. Kavkazskij plennik. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome. M., GIHL, 1949.
6. Potto A.V. «Kavkazskaja vojna» (v 5-ti tomah).Tom 1. Ot drevnejshih vremjon do Ermolova.

Stavropol', 1994.

7. Sumarokov A.P. Sochinenija v dvuh tomah. OCR Bychkov M.I. [Http://az.lib.ru](http://az.lib.ru). 1.I.2013.

8. Тјура V.I. Genealogija liricheskikh zhanrov. //Zhanr kak instrument prochtenija. FGOU VPO «Juzhnyj federal'nyj universitet». Rostov-na Donu: «Innovacionnye gumanitarnye proekty», 2012, S.104-131